

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 2, pp. 313–324, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-313-324

Из истории калмыцкой повседневности. Кочевание в XVIII в.

Максим Манчиевич Батмаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2233-0647. E-mail: [kigiran\[at\]mail.ru](mailto:kigiran[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Батмаев М. М., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье на основе ранее не публиковавшихся архивных материалов рассмотрен процесс кочевания калмыков в XVIII в. *Материалы и методы исследования.* Работа основана на анализе материалов Российского государственного архива древних актов, Архива внешней политики Российской империи, Национального архива Республики Калмыкия. В исследовании применяются описательный, историко-сравнительный и функциональный методы. *Результаты.* Автор показывает, что в рассматриваемое им время кочевание калмыков было урегулировано, систематизировано. Территория кочевий была обширной, доходя на севере до окрестностей Самары и Сызрани, на юге — до берегов реки Кумы. Кочевание основной массы калмыцкого народа велось в меридиональном направлении. Были исключения из установленных правил кочевания. Ряд улусов занимал постоянные места проживания, хотя и здесь практиковались, если так можно выразиться, микрокочевания на небольшие расстояния. В рассматриваемое время случались столкновения, неприязненные отношения, как в среде самих калмыков, так и между ними и соседним населением, на почве притязаний на те или иные пастбищные территории. Самое же главное, и это отмечается в статье, в XVIII в. шло заселение земель Нижнего Поволжья и Предкавказья русским населением, а это неминуемо вело к сокращению территории, занимаемой калмыками. Необходимо сказать, что из калмыцкого владения отторгались самые выгодные в хозяйственном отношении земли. Вместе с тем поиски урегулирования отношений велись как на народном, так и на правительственном уровнях. Разумеется, в исторической перспективе выход был для калмыков в переходе к оседлости, к интенсивным формам хозяйствования. В XVIII в. эта необходимость еще не осознавалась.

Ключевые слова: кочевание, маршруты кочеваний, группы кочевые, пастбища, худуки, территория кочеваний, столкновения, пришлое население

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Батмаев М. М. Из истории калмыцкой повседневности. Кочевание в XVIII в. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 313–324. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-313-324

Insights into Kalmyk Everyday Life of the Past: 18th-Century Nomadic Routes

Maksim M. Batmaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2233-0647. E-mail: kigiran[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Batmaev M. M., 2023

Abstract. *Goals.* The article examines previously unpublished archival materials for an insight into 18th-century nomadic practices and routes of the Kalmyks. *Results.* The paper shows that the latter were controlled and systematized during the period under consideration. The total nomadic area was extensive and reached outskirts of Samara and Syzran in the north, and the Kuma River in the south. The bulk of Kalmyk communities tended to move longitudinally. However, there were some exceptions. A number of uluses were constantly occupying certain areas, although practicing somewhat micro-migrations over short distances. The era under review witnessed clashes, hostile relations — both among Kalmyks proper and with neighboring Russian groups — that resulted from claims to certain pasture territories. The article stresses the 18th century was characterized by mass Russian population inflows to the Lower Volga and the Pre-Caucasus, which inevitably led to reductions of Kalmyk-inhabited lands. Moreover, it must be noted that the migrants tended to seize most economically advantageous lands. At the same time, both ethnic elites and government executives were seeking to settle the turbulent relationships. From the historical perspective, it was sedentarization and intensification of agriculture that could serve a way out for the Kalmyks, but in the 18th century the need was not yet that obvious.

Keywords: nomadism, nomadic routes, nomadic groups, pastures, khuduk, nomadic territory, clashes, migrant population

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Batmaev M. M. Insights into Kalmyk Everyday Life of the Past: 18th-Century Nomadic Routes. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 313–324. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-313-324

1. Введение

Обеспечение безопасного и рационального кочевания было всегда одним из основных атрибутов жизненного процесса кочевых народов, и дело это было далеко не простым. Природные катаклизмы — засухи, безводие, суровые зимы, эпизоотии — нередко случались на тех или иных территориях, занятых кочевниками. Эти проблемы сочетались с порою не всегда мирными отношениями с соседями, которые могли быть и кочевыми, и оседлыми.

Предлагаемая статья посвящена сезонным перекочевкам наших предков, так как они действительно являлись условием

существования их экстенсивного скотоводческого хозяйства. Значимость и актуальность темы определяется следующими обстоятельствами: 1) в общем плане в кочевниковедении имеются дискуссионные и неоднозначные проблемы, ждущие своего исследования; 2) что касается калмыцкой истории, то без изучения кочевания народа, она не может быть воссоздана в максимально возможной полноте; 3) изучая социально-бытовые отношения по поводу процесса кочевания, мы будем лучше понимать социальные отношения в других жизненных сферах. Между тем, насколько нам известно, в калмыцкой историографии

нет специальных работ по названной теме, кроме отдельных упоминаний и экскурсов в работах по другим проблемам. Среди них можно отметить работу В. В. Батырова «Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII – первой половины XIX вв» [Батыров 2014]. Что касается XVIII в., ранее автор данной работы обращался к анализируемой теме [Батмаев 2002].

2. Материалы и методы

Работа написана на основе ранее не опубликованных и не введенных в научный оборот материалов Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА), фонд 119 «Калмыцкие дела», опись 1; Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), фонд 119 «Калмыцкие дела», опись 1; Национального архива Республики Калмыкии (далее — НА РК), фонд 35 «Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии»; фонд 36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе», опись 1.

Исходя из принципов цивилизационного подхода, мы представляем историю человеческого общества как многолинейный, многовариантный процесс. Номадизм же был и есть особая цивилизация. Главными методами, примененными в работе, являются описательный, сравнительный и функциональный.

3. Историография проблемы

Как уже сказано выше, выбранная тема не становилась предметом специального рассмотрения. Дореволюционные авторы, надо отдать им должное, немало сделали в плане этнографического изучения и описания хозяйственно-бытовой повседневности калмыков. Вместе с тем конкретно о кочевании, в том числе в XVIII в., они писали мало и вскользь. Историки советского периода в отношении темы калмыцкого кочевания оставались в традиционном русле, говоря о нем попутно и в общих выражениях. В частности А. М. Хазанов выделил в евразийских степях пять основных форм кочевого или полукочевого хозяйства. Хозяйство калмыков он отнес к третьей форме, когда, по его мнению, все население кочует по давно разработанным путям и, кроме того, имеет постоянные зимники. При пол-

ном отсутствии земледелия скот находится на круглогодичном подножном корме. Далее, рассмотрев в сравнительном плане некоторые стороны хозяйства сарматов и калмыков, он пришел к выводу об их близости, и поэтому считал безосновательными противопоставления ранних кочевников поздним [Хазанов 1974: 214–215, 219].

В советской историографии кочевничества преобладающим было мнение, что наиболее распространенными видами круглогодичного сезонного выпаса скота были меридиональное, вертикальное и стационарное кочевания. Вертикальное кочевание применялось в горных местностях, и поэтому нас не интересует применительно к теме нашего исследования. Что касается двух остальных, то наиболее принятый взгляд на них заключается в том, что меридиональное кочевание состоит в перегоне скота осенью на южные пастбища, а весной — на северные. Впрочем, как считает Г. Е. Марков, в зависимости от местных условий направление кочевания может быть и иным [Марков 1989: 62].

Правда, вызывают некоторые вопросы следующие утверждения автора: при характеристике меридионального кочевания он пишет, что кочевники двигаются от одного колодца к другому, задерживаясь на долгое время на одном месте; вместе с тем он выделяет «стационарное» кочевание на том основании, что кочевники кочуют вокруг многих колодцев, расположенных недалеко друг от друга [Марков 1989: 62].

4. Виды кочеваний

Большинство калмыцких улусов относились к группам с меридиональным кочеванием. В 1720 г. хан Аюка говорил правительственному посланцу, который выражал беспокойство по поводу перехода многих улусов на правобережье Волги: «...а что де калмыки и калмыцкие владельцы пошли на нагорную сторону, и из давних де лет калмыки з женами и з детьми и с скотом для скотских кормов в зимнее время переходят на нагорную сторону, а служилые де их калмыцкие люди всегда з знатными владельцы бывают в походе перед улусами от набегов кубанских и от других неприятелей» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 7. Л. 4]. Это же подтвердил знатный зайсанг Билютка и добавил, что такие охранные во-

йска попутно занимаются охотой: «и ныне де Чапдержап для того ж пошел с войским и забавляетца де оное войско битвою всяких зверей» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 7. Л. 3об.–4].

В указе от 18 января 1742 г. отмечалось, что большая часть калмыцких улусов ежегодно и в случаях если хан или наместник не имеют желаний находиться во время полюдья в Рынпесках, в междуречье Волги и Яика, весь народ откочевывает вверх по Волге и доходит до Сызрани и Самары. Кочуют они там до слияния на Волге полои воды, а некоторые улусы — и до времени перехода по льду на нагорную сторону [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 268].

3 июля 1746 г. тогда еще наместник Дондук-Даши писал астраханскому губернатору И. А. Брылкину, что, как правило, летом и осенью многие улусы кочевали на луговой стороне, а «по замерзании Волги льдом — в Мочагах и по морским косам. Теперь из-за нападений казахов там кочевать не можем, и поэтому надо их разбить» (т. е. просит помочь войсками), а если этого не сделать, «то нам по Волге и в косах скоту кормами, а калмыком рыбою довольствоваться покою никогда не будет, и когда сего довольства лишимся и всегда кочевать будем на нагорной стороне (не переходя на луговую, т. е. на левобережье. — М. Б.), то никогда поправиться будет не можно» [НА РК. Ф. И-36. Д. 207. Л. 417–418].

Итак, основная масса калмыков кочевала в меридиональном направлении, с севера на юг в зимнее время, и с юга на север — в летнее. На севере калмыцкие хотоны появлялись в окрестностях Сызрани и Самары, но спорадически и в небольшом количестве и только на левобережье Волги. На правобережье калмыцких кочевий не было. На юге калмыки доходили до Кумы и окрестностей, но об этом подробнее ниже.

5. Земли для кочеваний калмыцких улусов

На востоке, в междуречье Волги и Яика, временами и местами переходя за Яик, постоянно кочевал улус Доржи Назарова, а затем — его детей и внуков. Другие улусы были представлены здесь отдельными немногочисленными группами, да и то не всегда. В зимнее время калмыки кочевали в Мочагах (тогдашнее северо-западное по-

бережье Каспийского моря, богатое островами, камышами и травянистыми прибрежьями), по рекам Куме, Томузлову, Буйволе, Калаусу и левобережью Дона.

Вся названная территория для удобства пользования и для предотвращения земельных споров и столкновений делилась на отдельные большие участки, закрепленные за тремя этнополитическими объединениями — торгутов, дербетов и хошут. Земли кочевий этих объединений в свою очередь делились между улусами, входивших в управление того или иного владельца (нойона). Бесспорных данных, говорящих о закреплении пастбищ за аймаками и другими мелкими административными единицами, нет; скорее всего, это не практиковалось. Можно констатировать, что на определенном этапе те или иные территории с пастбищами и водопоями были выделены в постоянное владение (или в управление) тех или иных нойонов с их улусом или улусами.

Когда это происходило или произошло, сказать трудно, так как прямые свидетельства в источниках отсутствуют. Так, Дондук-Омбо в 1731 г., оправдывая действия по «потраве ханшинных кочевых мест», писал в августе 1731 г. руководителю Калмыцких дел В. П. Беклемишеву: «... прежде мы кочевали хто где хочет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 41. Л. 186]. В ответ возмущенный хан Церен-Дондук в письме В. П. Беклемишеву от 16 сентября 1731 г. опровергал ложь соперника: «Зюновшинам (зюну-улусы старшего сына Аюки Чакдорчаба и его детей. — М. Б.) и хошутам обеим велено подле Волги до устья кочевать, цохуровшинам (икицохуры и багацохуры-улусы Дондук-Омбо, Асархо и Маши. — М. Б.) и дербетовшинам около Манатохой урочище на луговой стороне Волги недалеко от Царицына. — М. Б.) велено ж кочевать, и тут им и указали и отправили, и по тому знаку хто где хочет, тут и кочует» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 41. Л. 233]. В последних строках Церен-Дондук хочет сказать, что на выделенных той или иной группировке улусов территориях уже можно было, кому они выделены, кочевать «невозбранно» («кто, где хочет»). Вполне возможно, что и там существовали какие-то правила для кочевания тех, кому они выделены.

Но самое для нас главное, что далее Церен-Дондук называет время раздела тер-

ритории кочевий: «А как указана оное нам место тому назад тридцать лет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 41. Л. 233].

Если верить свидетельству Церен-Дондука, а не верить ему нет оснований, то назначение постоянных мест кочевий произошло в 1701 г. Как известно, именно в этом году в ханстве случилась крупная и длительная междоусобица, когда старшие сыновья Аюки восстали против отца, и тому пришлось отсиживаться в Яицком городке. Вполне возможно, что раздел улусов и пастбищных территорий и произошел для успокоения бурных событий.

Надо отметить, что на всем протяжении XVIII в. были два исключения в налаженной системе кочевания большинства улусов. Улус Доржи Назарова до 1771 г. постоянно располагался в междуречье Волги и Яика. Однако и здесь население в зимние месяцы опускалось к югу, к прикаспийским камышам, а в летние месяцы поднималось на север. Дербетские владельцы также старались не подчиняться ханской власти и решились кочевать самостоятельно. Самым надежным для себя местом кочевания они считали земли по Дону, и при первой же возможности уходили туда. Правда, и там не всегда им было спокойно, так как начинались стычки и трения с казаками. Например, 31 декабря 1760 г. управляющий калмыцкими делами Н. Г. Спицын писал дербетскому старшему нойону Галдан-Церену: «Вы, в противность указа ея императорского величества, не должны кочевать по Дону, а кочевать должны в других пристойных местах, где, по силе того же указа, вам назначит хан, но если от него будут вам указаны места для ваших улусов не довольные, а вы найдете лучше тех мест, кроме Дона, то давайте мне знать, а я за вас буду заступаться» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 326. Л. 457–458].

Итак, территории, в первую очередь пастбищно-водопойные, были распределены между улусами, и оставалось только соблюдать, так сказать, «мирное сосуществование». На практике же получалось часто совсем не так, как ожидалось.

6. Земельные споры

Нередки были земельные споры и столкновения. Кроме сказанного, с каждым годом все больше обострялась еще одна проблема: увеличение русского населения

в Нижнем Поволжье и Предкавказье, которое начало осваивать земли, раньше относившиеся к калмыцким кочевьям. Ниже приведем примеры земельных отношений как между самими калмыками, так и между ними и соседним русским населением. Мы не останавливаемся здесь на многолетней и до сих не решенной проблеме феодальной земельной собственности у кочевников. Скажем только, что автор данной статьи не является сторонником взгляда о существовании у кочевников этой самой собственности. Сама же проблема нуждается в дальнейшем изучении.

Острота отношений владельцев по поводу обладания пастбищами особо накалялась в периоды междоусобий, столкновений амбиций и т. п. 9 сентября 1730 г. В. П. Беклемишев рапортовал управляющему войсками юга России М. М. Голицыну, что Церен-Дондук остался на нагорной стороне и кочует на устье Кумы для того, чтобы «...у Дасанга занять места в Мачагах, понеже оные места изо всех мест привольнее как скотцкими кормами зимою, также и пропитании рыбою, и надеюсь у Дасанга с Черен-Дондуком за выше писанные места будет не без ссоры для того, что оными еще при хане (Аюке. — М. Б.) всегда владел отец Дасангов Чапдержап» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 38. Л. 200].

20 июля 1731 г. служащий при Калмыцких делах дворянин С. Казанцев доносил, что узнал о присылке Дармой-Балой к Дондук-Омбо и Церен-Дондуку посланцев с тем уведомлением, чтобы ниже Черного Яра, где она раньше кочевала в летнее время, никто не «травил корма». Однако Дондук-Омбо, брат его Бокшурга, Петр Тайшин, Дондук-Даши с братьями, Хошот-Дондук и вдовствующая Даши-Бирюнь «ныне те места травят и, отравя, хотят плавиться с луговой на нагорную сторону и идти в косы (отмели. — М. Б.) к морю и там отравя (скормив. — М. Б.) корма, намерились кочевать близ горских черкас» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 41. Л. 149].

Еще раньше, в июне 1731 г. Церен-Дондук при встрече с В. П. Беклемишевым отмечал, что Дондук-Омбо и выше перечисленные его временные союзники не подчиняются его указаниям, не едут к нему для решения спорных вопросов, «и ныне, умыслив привести ево улусы в скудость, лутчие

места, захватя, травят, где кочевал в осеннее время он с улусом своим, а ему в осень и кочевать будет негде, отчего в улусех его может скот помереть» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 179].

2 октября 1745 г. наместник Дондук-Даши жаловался губернатору Д. Ф. Еропкину на некоторых владельцев, в первую очередь на дербетских, что они за взятки склоняют представителей российской администрации доносить ложные сведения о его поступках правительству. Эти владельцы, когда он удерживает их от беспорядков, его не слушаются, говоря, что мы сами таковых же владельцев дети, как и ты, «и своих подлых (простолюдинов. — М. Б.) людей мы будем под своим смотрением иметь». Далее он просил «тех противников малых (мелкопоместных. — М. Б.), владельцев или отдать под мою власть или от меня вовсе отрешить» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 194. Л. 27].

В июне 1758 г. Бамбар, внук Доржи Назарова, старший владелец так называемых табун отоковых улусов, подкочевал к урочищу Харабали. Это встревожило Дондук-Даши, так как в этих местах именно он располагался осенью. «И если они, — сообщал он Н. Г. Спицыну, — те места, где мне кочевать подлежит, вытравливать будут, то не весьма пристойно. Прошу их с тех мест сослать. А я, как вам небезизвестно, кочевье свое имею на низ только до крепости Енотавской, а они ниже оных мест к Селитренному городку и до урочища Ордилика свободно кочевать имеют» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 307. Л. 686].

Владелица Церен-Джап, жена Бамбара, извиняющимся тоном писала Н. Г. Спицыну, что из-за недостатка травы повыше Ахтубинского селитренного городка в степи взята ими одна кочевка, однако имея в виду, что то место бывает занято для хана, прикочевали назад и спустились ниже Селитренного городка [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 307. Л. 723].

7 сентября 1760 г. Дондук-Даши вновь оповещал Н. Г. Спицына, что дербеты его не слушаются, и отмечал не без неудовольствия: «если со оными поступать с мягкостью, то оне не слушают, если ж с жестокостью, то мне не поручается», т. е. мешает правительственное вмешательство, которое не дает воли хану [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 323. Л. 1045–1046].

31 декабря 1760 г. Н. Г. Спицын в очередной раз обратился к дербетскому старшему нойону Галдан-Церену, женатому, кстати, на дочери хана Одже: «Вы, в противность указа его императорского величества, не должны кочевать по Дону, а кочевать должны в других пристойных местах, где, по силе того же указа, вам назначит хан. Но если от него будут вам указаны места для ваших улусов не довольные, а вы найдете лучше тех мест, кроме Дона, то давайте мне знать, а я за вас буду заступаться» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 326. Л. 457–458]. Кстати, уже наместник Убаши писал Н. Г. Спицыну, теперь уже генерал-майору, 25 марта 1761 г.: «... улусы наши называемые шобуучинары, которые находились поблизости дербетей, а от наших улусов во отдалении, наши войски их пригнали» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 329. Л. 374]. Значит, дербеты продолжали кочевать отдельно, а к ним порой близко подкочевывали торгутские улусы. Кроме того, последние кочевали порой и без разрешения и даже приходилось возвращать их силой [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 329. Л. 374].

Временами маршруты перекочевки нарушались из-за погодных условий. В 1765 г. улусы, кочевавшие на луговой стороне к северу, все пришли на низ, т. е. на южные пастбища, так как из-за малой поллой воды и засухи «скотских кормов» там не было. К тому же между Волгой и Яиком степь сильно выгорела от пожара (причина его неизвестна) на большой площади расстоянием в 8 кочевков, и все улусы, «кои кочевали в верховых местах, принуждены были оное погорелое место обходить с крайнею нуждою по одной дороге» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 378. Л. 103].

В другой раз разыскивался некий торговец, по этому поводу хан писал 5 января 1761 г., что «ныне за неимением снега и воды имеющая скот люди покочевали врозь, Араслана самого здесь нет, а где он, неизвестно» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 329. Л. 41]. Похожий случай произошел, например, в 1785 г. Согласно письму хошутского Тюменя астраханскому губернатору М. М. Жукову, «по малоснежию в прошедшей зиме снегов в степе по крепким и низким местам, где прежде сего обыкновенно от снегов бывали воды, по которым калмыки в вешние времена ежегодно кочевьем на-

ходились и тою водою довольствовались», ныне воды нет, и его подвластные находятся все у Волги [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 169. Л. 75].

Иногда к нарушению установленных границ приводила объективная нужда. Так, приставу С. Везелеву в августе 1731 г. сообщал некто Асанов сын Юсуп: Дарма-Бала посылала своего человека к Дондук-Омбо, спрашивая, почему он травит корма, «по которым она всегда кочевала?» Дондук-Омбо отвечал через своего посланца: «Слышал я, что ханша на меня сердита. Моей вины перед ней нет, только я разве виноват, что ее корма, где она наперед сего кочевывала, потравил, а ныне де я с тех мест пойду, а на них меня заставила кочевать нужда. Улус мой оскудал, а здесь скудным людям кочевать лучше для того, что рыбы довольно, а где я наперед сего кочевывался, там рыбы нет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 41. Л. 178].

Правда, иногда некоторые владельцы, желая достичь своих, порою мелочных, интересов, выражали недовольство своим земельным положением и обращались с жалобами к российскому правительству. В феврале 1758 г. Дондук-Даши писал Н. Г. Спицыну, что Бамбар в прошлом году, когда улусы перешли на нагорную сторону, «с вашего (Н. Г. Спицына. — М. Б.) разрешения остался на луговой стороне. Я вам уже писал, что он находится под вашей командой, а я к нему, чтоб он нынче переходил на нагорную сторону, писать не буду, и вообще им командовать не буду, пока не получу о том ее императорского величества указ» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 307. Л. 217–218].

Особую досаду и даже злобу вызывало у хана поведение дербетских нойонов. Лабан-Дондук еще В. Н. Татищеву прямо заявил: «По внушению Дондук-Даши изволили приказывать, чтоб я переправился за Волгу, а понеже наперед сего по указу великой государыни как прадед, дед и отец мой кочевали, так ныне и я по указу нахожусь ж, а не по торгоуцким повелениям, о чем и сами вы известны» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 152. Л. 168].

Поведение дербетских владельцев было известно в правительстве. 11 марта 1756 г. последнее обратилось к Дондук-Даши с грамотой, где сообщалось, что дербетов указано выслать с Дона к Волге. С этого времени они должны были «кочевать по нагорной и

по луговой стороне реки Волги, где ты, наш верноподданной наместник ханства, как и прочим владельцам по вашему древнему обыкновению назначивать будешь» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 294. Л. 206]. Только держать их в «особливом разсуждении», не разрешая им кочевать на территориях, где кочевали хошутские и торгутские улусы [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 294. Л. 207].

В 1759 г. Дондук-Даши и Н. Г. Спицын выработали совместное постановление по поводу разбора спорных дел и исков между донскими казаками и дербетскими улусами, где предлагалось: «помянутым дербетам впредь отнюдь самовольно в противность указа в близости реки Дона и тамошних станиц, и сенных лугов, и лесных угодьев не кочевать, а находиться кочевьем в тех местах, где от хана назначивано будет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 319. Л. 689].

Некая надуманность поведения дербетских нойонов видна из следующего свидетельства. 21 октября 1766 г. И. А. Кишенской, очередной «состоящий при калмыцких делах», подал рапорт очередному астраханскому губернатору Н. А. Бекетову. Имея в виду поведение дербетских нойонов, И. А. Кишенской отмечал: «Елико ж касается до жалобы дербетей в недостатке для них в займище Мантохое скотских кормов и что они в том крайнюю претерпевают нужду, но сему сами они, дербеты, причиною состоят, потому что от учрежденной Зарги определено не в одном том займище, но и по степным речкам кочевьем им быть, но они как на луговую сторону переправились, с того время и поднесь при самом берегу реки Волги продолжают» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 377. Л. 375–376].

В индивидуальном плане самым злым нарушителем установленных владельцев границ был хошутский нойон Замьян. Ниже приводится одна из претензий к нему, сделанных в одном 1764 г. Состоящий при калмыцких делах А. Д. Бехтеев 21 июня сообщает нойону Замьяну: «пишет ... наместник, что вы с вашими улусами прикочевали к осенним его местам Ашил и Албастахою и их stravливаете. Сойдите с них на другие места, чтобы не озлобить Убаши, что с пользою вашею несходственно» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 316]. 24 июля наместник жалуется А. Д. Бехтееву на Замьяна, что последний «потравил»

те места, в которых наместник осенью кочевать должен был. Далее наместник объясняет А. Д. Бехтееву, что нойон Замьян совершает «такие самовольствы..., каковых никогда в калмыцком народе не бывало». А. Д. Бехтеев продолжает: «вам положено кочевать там, где вам назначено. Я послал от себя вместе с наместниковыми посланцами осмотреть те места, и если вы действительно потравили, за то можете понести по вашим калмыцким правам штраф» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 440].

Вновь А. Д. Бехтеев Замьяну сообщает 5 октября: наместник пишет, что «вы, не дождавшись об улусе вашем, где ему осенью кочевать подлежит, назначения от Зарго, самовольно на нагорную сторону переправились, что учинено вами в несходственность ее императорского величества указа и ваших калмыцких прав и обыкновений». В заключение А. Д. Бехтеев потребовал вернуть улус на луговую [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 508].

Сохранилась жалоба Замьяна от сентября того же года на утеснения со стороны наместника и А. Д. Бехтеева, где он, между прочим, писал: «ныне же яко я для наместника хранящие луга потравил, оболгав, за то по приказу бригадирскому (воинский чин, фамилия в документе не указана. — М. Б.) наместником три верблюда и тринадцать лошадей взяли» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 423].

Разумеется, столкновения между владельцами из-за территорий кочевий не могли серьезно расшатать вековые традиции и установления — в конечном счете статус-кво восстанавливался. Пожалуй, самое большее, что предпринималось владельцами, — охрана той или иной территории, которая могла подвергнуться захвату. Например, в 1730 г., в июле, «для приходу (для прикочевки. — М. Б.) ханши (Дармы-Балы. — М. Б.) от Ступина займища до Башмаковского Яру луга де ей, ханше, караулят, чтоб де другие никто тех мест не травил» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 40. Л. 198].

7. Переселение русского населения на территорию Юга России

Главную тревогу вызывало все убывавшее заселение земель Нижнего Поволжья, Предкавказья и других соседних территорий русским населением. Процесс этот был закономерным, его нельзя

было остановить, к нему надо было или приспособливаться, или менять жизненный и хозяйственный уклад. Вот последнее было проблемой для калмыков с их экстенсивным кочевым хозяйственным укладом. В сентябре 1729 г. Досанг писал астраханским властям, что со времени отца кочует в окрестностях Красного Яра, и прежние краснаярские коменданты управляли справедливо, и «мы жили спокойно»: «А ныне с осени краснаярские жители без всякого суда нас изобижают, понеже на траве нам кочевать не велят и не дают моим калмыкам ничево сеять, и скотину отымают, и калмык моих хватают, да с них много денег берут» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 36. Л. 435].

Пожалуй, одной из первых заботилась ханша Дарма-Бала. С 4 по 7 июня 1730 г. был в ее улусах царицынский дворянин Я. Татаринов. Во время деловых разговоров с ним она с укором, а больше с озабоченностью сказала, в передаче дворянина: «... по рекам де, где они найдут кормы, и русские де травить кормов не велят, и называют покосами, и чтоб указать, где им кормы травить» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 37. Л. 207]. Я. Татаринов успокоил ханшу, говоря, что лугов к царицынской укрепленной линии немного, разве версты на две, а в прочих местах травить им никто не запретит [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 37. Л. 207].

15 июля 1738 г. царицынский комендант П. Ф. Кольцов просил хана Дондук-Омбо запретить калмыкам кочевать напротив волжских казачьих станиц на островах и на сенных покосах [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 881].

25 июля 1746 г. Н. Г. Спицын писал Дондук-Даши: «Прошу кочующим близ Ахтубинского Селитренаго городка калмыкам приказать запретить, дабы они никогда на имеющихся близ того городка казенных лугах с лошадьми и со всяким своим скотом не кочевали, и заводским лугам вреда не причиняли, а имели б кочевье в других местах» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 208. Л. 66–67].

В указе астраханскому губернатору И. А. Брылкину от 14 января 1751 г. сообщалось, что от канцлера письменно сообщено наместнику, чтобы более около казачьих поселений на волжских островах, и на нагорной стороне, где находились их сенные покосы, калмыцкий скот запрещено пасти. Что касается прошения казачьего Волжского войска, чтобы калмыкам запретить и на лу-

говой стороне рубить лес, то этого сделать нельзя, потому что указом от 9 мая 1723 г. разрешалось им лес рубить, где они кочуют, кроме дубового, а в случае крайней нужды при согласовании с астраханским губернатором разрешалось рубить и дубовый лес. Кроме того, Военной коллегией постановлено в 1734 г., что на левобережье Волги, на калмыцкую сторону, казакам «ни для каких нужд отнюдь ходить не велено» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 251. Л. 28].

11 сентября 1756 г. Н. Г. Спицын оповещал хана: «Ваши люди со скотом подошли близко к крепости Енотаевской, где находится той крепости обывательский скот. Прошу приказать как оных, так и впредь кочующих мимо здешней крепости калмык до того не допускать и учинить им в том запрещение» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 288. Л. 397].

27 октября 1758 г. в Коллегии иностранных дел было получено письмо от хана Дондук-Даши на имя канцлера М. И. Воронцова, где сообщалось, что калмыкам запрещалось кочевать по лежащей к Эльтонскому озеру дороге и по рекам Еруслану и Харааману (Караман). Однако так как из улусов богатые скотом люди по большей части кочевали в летнее время при Волге в верхних местах, куда и откуда они направлялись, то им приходилось пересекать территории вблизи Эльтонского озера и рек Еруслана и Хараамана. В случае, если в верхних местах Волги не кочевать летом, то для калмыков недостаточно земли на нижних местах при Волге. Поэтому из-за отсутствия другого способа «чинить не осталось, кроме того, что им приказать через вышеописанные места кочевьем проходя, траву и воду беречь, и в остальном никакого вреда никому не делать» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 328. Л. 19–22].

Весьма знаменательно письмо Н. Г. Спицына хану от 1 марта 1759 г. К этому времени получивший чин генерал-майора, управляющий калмыцкими делами сообщал хану: «Что надлежит до кочевания вашего с улусами, то в царицынской линии, по приумножимому в оной россиян жительству и находящемуся у них скоту, никоим образом уместиться вам невозможно. И для того надлежит кочевание ваше возыметь до воспоследующаго указа на нагорной стороне Волги в здешних границах в пристой-

ных местах» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 321. Л. 43–44].

Письмо это было связано с тем обстоятельством, что канцлер М. И. Воронцов велел хану в связи с событиями в Крыму кочевать в 1759 г. по нагорной стороне Волги, не переходя на луговую. Характерно, что в укрепленной царицынской линии калмыкам кочевать уже было нельзя. 15 сентября 1765 г. наместник приехал в Астрахань с большой свитой, был пышно встречен, угощен со всеми прибывшими, смотрел на бал и фейерверк, отчего, согласно журналу, «пришел в восторг» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 379. Л. 44–45]. 20 сентября наместник с небольшой свитой вновь приехал в губернаторский дом. После угощения остались только губернатор Н. А. Бекетов, наместник, И. А. Кишенской и зайсанг Даши-Дондук.

Наместник выразил ходатайство из нескольких пунктов о том, чтобы не крестили убегающих из улусов холопов; чтобы территории выше города Саратова на луговой стороне, т. е. по левобережью Волги, и другим тамошним местам заселялись русскими людьми; чтобы новопоселенцы не захватывали в городах, селах и деревнях насильно калмыков и вымогали под пытками выкупы и т. п.

Н. А. Бекетов в ответ стал склонять к оседлой жизни, приводя примеры преимущества такой жизни. Наместник кратко отвечал, что они «по привычке» кочевую жизнь считают лучше оседлой и, кроме Замьяна, вряд ли кто пожелает жить оседло [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 319. Л. 54, 56].

При Екатерине II усилилось давление на так называемые «вольности» калмыцких владельцев (нойонов). Так, были сделаны шаги по реорганизации Зарго. Грамотой императрицы к наместнику, ко всем владельцам, судьям Зарго и всему калмыцкому народу от 26 марта 1765 г. предписывалось владельцам, чтобы они с этого времени все свои спорные дела разбирали в Зарго и не уклонялись от приезда в него, когда требуется. Далее, отныне кому из владельцев и где кочевать в том или ином году, определять в Зарго, и для этого, кроме судей, на заседание от всех улусов присылать поверенных, которые бы могли представлять, удобны или неудобны отводимые им места [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 375. Л. 185].

В ноябре 1766 г. Убаши письменно запрашивал Н. А. Бекетова, представлял ли он его жалобу о появившихся по рекам Волге и Иргизу поселениях и утеснениях в кочевых местах в Коллегию иностранных дел. Губернатор сообщил, что направлял его жалобу, хотя наместник сам направил письмо в Коллегию иностранных дел, которой тогда было подведомственно Калмыцкое ханство.

В ответ коллегия выработала рескрипт, который был доведен до всех заинтересованных лиц, в котором сообщалось, что при новых поселениях при Волге вся площадь степей по обеим сторонам Волги не может быть занята полностью и, следовательно, для пастбы калмыцкого скота можно найти свободные земли.

Однако те степи, а особенно на луговой стороне, были слишком безводными. Поэтому калмыки внутри степей на нагорной стороне кочевали только зимой, а весной и летом — на луговой, держась со скотом по берегам Волги до тех пор, пока с лугов, находившихся между Царицыным и Астраханью, не уйдет вода, что, как правило, продолжалось до августа. Кроме того, в это время калмыки ловили рыбу в заливах Волги, а летом возвращались на юг по берегам Волги и также ловили рыбу для пропитания. Поэтому, имея такие привольные места, доныне «они при Волге в здешней державе и держатся» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 369. Л. 42]. В жалобе наместника говорилось, что калмыки ощущали от умножения по берегам Волги поселений притеснение на территориях своих кочевий и в хозяйственных занятиях, особенно в случаях, когда новые поселенцы без всякого разбора и права не допускали их пользоваться своими местами кочеваний.

Тем не менее авторы рескрипта указали губернатору на необходимость дать распоряжение воеводе и комендантам городов контролировать новопоселенцев, провести межевание новых поселений, о чем сообщить в Коллегию иностранных дел [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 369. Л. 742–745].

Далее приведем отрывок из рескрипта, в котором содержалось предупреждение о недопущении сильных притеснений, что было весьма прозорливо со стороны его авторов в свете состоявшегося в ближайшем будущем, в 1771 г., откочевки калмыков из Российского государства в Центральную Азию:

«Кроме того, необходимо иметь карту всей местности, лежащей между Волгой и Яиком от Самары до Каспийского моря, чтобы знать, могут ли еще быть заводимы селения и что для калмык надобно будет оставить пустым таким образом, чтоб калмыцкий народ совсем не лишился своих привольств, для которых он по большей части и в российском подданстве держится» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 369. Л. 747]. Не прошло и пяти лет, как история калмыцкого народа пережила крутые перемены, которые хорошо известны и освещены.

8. Количество кибиток в 1789 г. (?)

В свете произошедших событий произошло сокращение численности калмыцкого народа, что впоследствии привело к сокращению и территории кочевания. В ведомости даются сведения о количестве кибиток калмыцкого народа в 1789 г. или в 1790 г. (дата составления отсутствует в ведомости). Они представляют большой интерес в связи с содержащимися данными о кочевьях. Приведем сведения в соответствии с источником:

Хошоутовых:	– Тюменя — 892, – Цагала — 70, – Цебека — 45, – Цаган Кукени — 79.
-------------	---

Эти владельцы в летнее время кочевали от черной гряды до Солянки, по колодцам, ближним к Волге, Хулхуте и против Коровьей Луки, а зимой — по урочищам Ясун Обо, Бодхоли, Шурали, Кёкшкин, Джиджили и Культюкун.

Торгутовых:	– Цебек-Убуши — 797, за старостию и слабостию неспособных — 199, – Мукукени — 815, за старостию и слабостию неспособных — 111, – Нохоин Кобени с братьями — 40, – Бестенея — 21, – Битюки — 1230, за старостию и слабостию неспособных — 202.
-------------	---

Первые четверо в летнее время кочевали «по ту стороны Сарпы» в урочище Зосту Шиира и вниз по Ергеням, а зимой от

урочища Кёзёкой по урочищам Джирлачи, Хайби, Шангшир и «по ту сторону» реки Кумы вверх.

Битюка кочевала летом от урочища Донду Башло по урочища Хорин худук, Чондон гелюнгин Улан и в нижнем конце урочища Копчика, лежащего к Мочагам, также и к степи того же урочища. Зимой же — от нижнего конца урочища Джирлачи и по рекам Терку и Анхутуру даже до урочища Чоботли.

Дербетовские:	– Тарзы — 159, – Цебей — 152, – Чучея — 251, – Нимы — 15, – Екрема — 9, – Шамбая — 9.
---------------	--

Казенных дербетовских — 3 920, «за старостию и слабостию неспособных» — 961.

Они летом кочуют по рекам Салу, Мишковой, Уласте, Хусте, Бургусте и выше Черного Яра по низким местам и от Ергеней к Дону. Зимой по сю сторону реки Кумы от урочища Казаков вверх по урочищам Мингату, Септени Улан, Гахай Гатулган, Джиланг Кецу, Абдара Модун, Маныч, Коркорё и Олонхудукам.

Казенных Дундуковских — 2 879, за старостию и слабостию неспособных — 207. Они летом кочуют от Черной Гряды вверх до Черного Яра и по Сарпе в урочище Сазату и по сю сторону Сарпы, а вниз по степи до урочища Харатюп. Да сверх того по указу Кавказского наместничества разрешено в летнее время до половины

улусов перепускать на луговую сторону Волги.

9. Заключение

Как показывает вновь вводимый в научный оборот архивный материал, в XVIII в. основная часть калмыцких улусов кочевала в меридиональном направлении. Расстояние кочевания было длительным, начинаясь от окрестностей Самары и Сызрани и заканчиваясь на берегах Кумы. Из общей массы кочующих выделялись улусы Доржи Назарова и его потомков и дербетские. Первые постоянно кочевали в междуречье Волги и Яика, вторые часто кочевали на левобережье Нижнего Дона, входя в связи с этим в различные отношения с донскими казаками. Улусы Доржи Назарова назывались табун отоковыми и служили для других улусов заслоном от набегов казахов.

Отношения калмыков с соседним российским населением, в первую очередь с русскими, носили в основном двойственный характер. В целом они были мирными, но порой случались столкновения из-за пастбищ, рыболовных участков и т. п. Главное, что необходимо отметить, в XVIII в. шло заселение земель Нижнего Поволжья и Предкавказья русским населением, выходцами из центральных губерний. Этот процесс вызывал временами конфликтные ситуации. Архивные источники не отражают отсутствие желания калмыков перехода к оседлому образу жизни в XVIII в. Исключением являлись несколько представителей владельческого сословия, ярким примером которых являлся нойон Замьян.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

Батмаев 2002 — Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
Батыров 2014 — Батыров В. В. Очерки истории традиционной культуры калмыков послед-

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
National Archive of the Republic of Kalmykia.
Russian State Archive of Ancient Acts.

ней трети XVIII – первой половины XIX вв. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 250 с.
Марков 1989 — Марков Г. Е. Теоретические проблемы номадизма в советской этнографической литературе 1960–80-х годов // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран: сб. ст. / отв. ред.

Г. Е. Марков. М.: МГУ, 1989. С. 54–75.
Хазанов 1974 — *Хазанов А. М.* Сармато-калмыцкие параллели (к вопросу о закономерностях кочевого хозяйства в однотипной экологи-

ческой обстановке) // Проблемы алтаистики и монголоведения: мат-лы Всесоюз. конф. (г. Элиста, 17–19 мая 1972 г.). Вып. I. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 213–219.

References

Batyrov V. V. Traditional Kalmyk Culture, Late 18th to Mid-19th Century: Historical Essays. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. 250 p. (In Russ.)
Khazanov A. M. Sarmatian-Kalmyk parallels: Common patterns of nomadic economy in similar ecological contexts revisited. In: Issues of Altaic and Mongolian Studies. Conference proceedings

(Elista, 17–19 May 1972). Pt. 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1974. Pp. 213–219. (In Russ.)
Markov G. E. Theoretical issues of nomadism in Soviet ethnographic literature: 1960s–1980s. In: Markov G. E. (ed.) Ethnographic Studies of Soviet and Foreign Peoples: A Historiography. Moscow: Moscow State University, 1989. Pp. 54–75. (In Russ.)

